

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

Книга, которую вы держите в руках, написана Александром Александровичем Черкасовым. Возможно, некоторым читателям это имя ни о чем не говорит, поэтому есть надобность немного рассказать о нем.

Александр Черкасов родился 26 декабря 1834 года в городе Старая Русса Новгородской губернии, в семье горного инженера, управляющего содовым заводом, страстного охотника. Любовь к природе он привил и всем трем своим сыновьям.

Для Александра эта любовь едва не кончилась трагически. Еще мальчишкой, в одном из первых самостоятельных походов, он провалился под лед и полтора года не вставал с постели, а потом долго ходил на костылях, но, к счастью, со временем выздоровел.

В 11 лет он был определен в институт корпуса горных инженеров (ныне Горный институт), по окончании которого в 1855 году направлен, по собственному желанию, в Нерчинский горный округ.

Край отдаленный, снегами повитый,
Скорбью людскою, слезами облитый,
Правом гражданским, народом забытый,
Славою каторги в мире покрытый.

Так писал о нем сам Черкасов. Он провел в этом крае 16 лет лучшие молодые годы. Служил в основном в золотоискательных партиях и на золотых промыслах, то есть в самых отдаленных, глухих уголках и без того глухого Забайкалья. Об одном из этих уголков, Бальдже, так потом вспоминал:

«Бальджа. Бальджа! Не забуду я тебя до гроба; не забуду и тех вечеров, которыми ты наделяла мою молодость, подавляла ее своей трущобой, лишала не только житейских удовольствий, но наложила ту печать одиночной сосредоточенности, которая осталась во мне едва ли не до сего дня и породила то самосознание отсталости, каковая грызла меня в то время, когда была охота учиться, следить за наукой, не отставать от мира и приносить посильную пользу по специальности».

Единственным утешением, отдыхом, развлечением была охота, любовь к которой он унаследовал от отца.

«Все мое имение, вспоминает Черкасов, состояло из двух чемоданов с бельем и платьем, двух ружей с необходимыми при-

надлежностями и здорового лягаша Каштана... За плечами... никакой удручающей заботы, кроме неизбежной тоски по родине после прощания с обожаемыми мною родителями. Полнейшее одиночество, незнакомый суровый край, лягз кандалов, клейменные лица - все это давало себя знать на каждом шагу, и только силой воли и подавил тоску наболевшего сердца по родине и свыкся со всем окружающим, а богатая охота в крае мало-помалу помирила меня с окружающей обстановкой».

Забайкалье в то время было в полном смысле краем непуганых зверей и птиц, заповедным местом для охотника.

Скитаясь с ружьем по тайге, молодой, любознательный, к тому же простой и общительный горный инженер жадно слушал рассказы о повадках зверей и птиц, разные бывальщины; ночуя в крестьянских избах и дымных чумах «инородцев», наблюдал их быт, обычаи. Эти люди, вся жизнь которых была связана с тайгой, и характер закален в борьбе с природой, искусные охотники и следопыты, восхищали Черкасова своим мужеством, смекалкой, душевной щедростью, всегдашней готовностью помочь товарищу в беде.

Пришло время, и Черкасов всей душою полюбил этот суровый край, его людей, его природу. А полюбив, захотел рассказать о нем другим.

Так, может быть, упрощенно представляются мне причины, побудившие скромного зрителя золотого промысла сесть за книгу. Он назвал ее: «Записки охотника Восточной Сибири», возможно, по аналогии со знаменитыми «Записками ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова, которые появились несколькими годами раньше и, надо полагать, не прошли мимо его внимания.

Фрагмент «Записок» был опубликован (правда, без подписи) в 1866 году в майском номере некрасовского «Современника». Подписи не было по той простой причине, что «короннослужащему» на такую публикацию полагалось испрашивать позволение начальства, а оно вряд ли бы позволило: журнал-то был крамольным!

Но и анонимный отрывок, по существу, не увидел света. В апреле 1866 года по «Высочайшему повелению» издание «Современника» было прекращено и готовый уже майский номер конфискован. По свидетельству краеведа Е.Д. Петряева, единственный его экземпляр теперь имеется лишь в библиотеке Пушкинского дома в Санкт-Петербурге.

В 1867 году «Записки охотника Восточной Сибири» вышли отдельной книгой в Петербурге, в издательстве С.В. Звонарева. Об этом издателе известно, что он без совета и рекомендации Н.А. Некрасова ничего не предпринимал. Таким образом, можно считать, что литературный дебют забайкальского горного инженера состоялся под покровительством Н.А. Некрасова.

Дебют был на редкость удачным. Вот лишь один из отзывов, опубликованный в журнале «Отечественные записки»:

«Книга написана просто, правдиво, живым языком... Публике уже давно набили оскомину различные литературные исхищрения и претензии в ущерб простоте и правде. Простой, своеобразный и несколько грубоватый, как сама жизнь звериных промышленников (так в Восточной Сибири называют охотников), язык автора производит на читателя весьма приятное впечатление какой-то необычайной свежести, напоминающей и степное раздолье, и влажную прохладу зеленого бора*».

«Записки охотника Восточной Сибири» и современники писателя, и позднейшие исследователи его творчества ставят в один ряд с «Записками» С.Т. Аксакова. Его называют даже «сибирским Аксаковым» (Е.Д. Петряев). А виднейший русский охотовед Д.К. Соловьев даже отдает Черкасову предпочтение на том основании, что у Аксакова рассказывается лишь о птицах, а у Черкасова - практически обо всех обитателях тайги, имеющих промысловое значение.

Но эта книга не только о зверях, птицах и способах промысловой охоты на них. Она содержит богатые сведения о прошлом Забайкалья, культуре, быте, обычаях его населения.

Известно, что каждая книга - отражение личности автора. Вот как отзывался о Черкасове один из его товарищей:

«Его доброта, отзывчивость ко всему честному, хорошему, ширина воззрений, добродушный и в то же время мягкий юмор делали то, что все, кто бы ни приходил с ним в соприкосновение, становились его друзьями».

Он же приводит такой факт, что каторжники, даже пожилые, работавшие на промыслах под началом Черкасова, называли его отцом. А еще они называли его «Самсоном» - из уважения к богатому росту и недюжинной силе.

Духом доброты, сострадания к униженным и оскорбленным веет со страниц этой необычной книги. Она написана в лучших демократических традициях русской литературы.

Одним из главнейших ее достоинств является великолепный русский язык.

«В лице Черкасова, отмечает писатель Марк Сергеев, - счастливо сочетались качества тонкого наблюдателя с подлинным литературным талантом. В результате, не будучи профессиональным охотником и профессиональным писателем, он создал превосходное произведение, стоящее в одном ряду с «Записками» С.Т. Аксакова».

Убедительным подтверждением сказанных слов является то, что даже теперь, спустя столько лет после выхода, «Записки охотника

* Журнал «Отечественные записки», 1868, т. 176, с. 81.

Восточной Сибири» включены в число основных источников академического «Словаря современного русского языка».

Книга еще в XIX веке вышла на немецком (1886), дважды на французском (1896, 1899) языках, а в нашей стране она издавалась уже шесть раз, причем четырежды - в советский период. Последнее издание вышло в 1987 году в Иркутске, в серии «Литературные памятники Сибири».

Как видим, Александра Черкасова нельзя назвать забытым писателем. Забытым он оказался только на Алтае и забытым незаслуженно.

Черкасов служил в Забайкалье до 1871 года, служил удачно: был награжден тремя орденами, вырос с прапорщика (младшего лейтенанта) до майора (надворного советника), а за открытие Урюмских золотых россыпей «Всемиловитейше пожалован» пожизненной пенсией в размере 1200 рублей в год. (Сумма по тем временам немалая, она превышала годовой оклад его жалованья.) Женился на дочери забайкальского казака, стал отцом трех детей (потом родились еще четверо).

В конце 1871 года Черкасов был переведен в Алтайский горный округ* на должность заведующего Салаирскими рудниками, чертежной, пробирной и Бачатской каменноугольной копьей, но уже через год назначен управляющим Сузунским медеплавильным заводом, где и прослужил почти 11 лет.

В 1883 году он вышел в отставку в чине статского советника (соответствует полковнику) и переселился в Барнаул, где прожил семь лет, из них пять был городским головой.

В эти годы и даже несколько раньше, начался второй период его творческой деятельности, даже более активный, чем забайкальский. Начиная с 1883 года в журнале «Природа и охота» один за другим появляются его рассказы и очерки о годах нелегкой службы в Забайкалье, встречах с интересными людьми и, конечно, об охоте: «Сломанная сошка», «Култума», «Урюм» (все три написаны в Сузуне, остальные в Барнауле), «Подъездная охота в Сибири», «Бальджа», «Зерентуй», «Шахтама», «Кара». В 1886 году в журнале «Русский вестник» публикует очерки «В Кадаче» и «Разбойник».

В Барнауле Черкасов начинает писать и мемуарные записки. Воспоминания его о некоторых эпизодах кадетской жизни в институте были опубликованы в 1887-1888 годах в малоизвестном и недолговечном журнале «Охотник».

Не обошел он вниманием и алтайскую тему. В журнале «Природа и охота» увидели свет его очерки «Федот» (1886) и «А. Брем» (1887) - о посещении Барнаула знаменитым немецким натуралистом.

* Кстати, несколько позже на Алтае, в должности управляющего Павловским сереброплавильным заводом, служил его младший брат Апполинарий Александрович.

В это же время он дорабатывает «Записки охотника Восточной Сибири». В 1884 году они выходят в Петербурге у А.С. Суворина, известного журналиста и издателя.

Завидная работоспособность, не правда ли? Особенно если учесть, что занятия творчеством ему приходилось совмещать с довольно хлопотными обязанностями управляющего заводом и городского головы, да еще со страстным увлечением охотой, тоже отнимавшей немало сил и времени! Великий был труженик...

В 1890 году из-за необходимости учить детей Черкасов переезжает в Екатеринбург и здесь приступает к работе над записками о виденном и пережитом за 19 лет службы на Алтае.

В марте 1893 года он предложил эти записки, скромно назвав их статьей, А.С. Суворину для журнала «Исторический вестник», издателем которого тот был. Суворин поставил об этом в известность редактора «Исторического вестника» С.Н. Шубенского.

«Черкасов очень талантливый человек. Я издал целую книгу его. Думаю, что он и теперь написал интересно. Напишите ему в Екатеринбург».

Но «статья» не подошла для журнала ни по размерам, ни по профилю. Тогда Черкасов отдал ее в журнал «Природа и охота», где она с подзаголовком «Из записок сибирского охотника» и была опубликована в том же 1893 году в июльском - октябрьском номерах.

Но быстро - еще не значит хорошо.

«Глубоко сожалею, жаловался Черкасов Суворину, что в статье «На Алтае» редакция и цензура сделали много выпусков, весьма интересных, и в общем изгадили весь труд, потерявший связь в рассказе».

Но и в таком виде записки «На Алтае» и другие работы Черкасова пользуются большим спросом у читателей.

«Почти все мои рассказы, - пишет он Суворину, - идут о Сибири и знакомят читателя с этой страной во многих отношениях, а охота часто служит только канвою... Мои статьи охотно читаются... даже прекрасным полом, а в Екатеринбурге «поиском ищут» этих рассказов. Многие знакомые и незнакомые прожужжали мне уши: почему я не издам все, помещенное в журналах, особой книгой...

А хорошего издателя найти не могу. Не поможете ли мне в этом?..»

Не совсем ясно, почему с такой просьбой он обращается именно к Суворину? Ведь тот сам был издателем!

К сожалению, довести начатое дело до конца Черкасов не успел. Роковую роль в этом сыграло, видимо, то, что в октябре 1894 года он и в Екатеринбурге был избран городским головой. Но не пришелся ко двору местным толстосумам. Начались интриги, сплетни, травля. Через два месяца легко ранимый Черкасов заявил об уходе в отставку, но тут ему нанесен был последний удар: 24 января

1895 года он получил по почте грязный анонимный пасквиль, оскорбляющий честь его и семьи. И сердце не выдержало. Александр Александрович Черкасов скончался тут же, за столом, зажав в кулаке анонимку...

Его хоронил весь город.

Но последовавшие бурные годы оказались не лучшими для сохранения памяти о людях, подобных Черкасову. (Примеров тому немало и у нас на Алтае.) Могила его затеряна. Архив исчез. Исчезла и рукопись записок «На Алтае». Нам остается довольствоваться журнальным вариантом. Но и в таком виде они представляют большую художественную и познавательную ценность.

«Мои записки, - пишет Черкасов, - не исторические исследования или ученый трактат, а просто записки наблюдателя, то более или менее полные, то краткие, с пробелами и без цифровых данных. Это личные воспоминания кое о чем виденном, слышанном и наблюдаемом, с небольшими справками».

Можно, конечно, согласиться со словом «наблюдатель», но вряд ли кто станет отрицать, что у этого наблюдателя был зоркий, приметливый глаз, неутолимое любопытство, обширные знания, богатый жизненный опыт, к тому же он прекрасно владел пером.

Благодаря всему этому мы имеем теперь счастливую возможность узнать, зримо представить, каким был наш край сто лет назад, его природа, люди.

Совсем не надо быть охотником, чтобы разволноваться, прочитав такой, например, эпизод:

«Забравшись в один длинный и объемистый колок, это было уже в августе, мы нашли в нем такую массу тетерь, что положительно растерялись не только сами, но и наши собаки, потому что дичь была чуть не на каждом шагу, и от ее взлета «шум шумел», куда мы только ни подходили».

А вот рассказ о подледном лове стерляди в Оби в районе Барнаула.

«Стерлядь останавливается к зиме таким плотным руном и в такой массе, что трудно и вообразить то количество рыбы, которое составляет это руно или, по-рыбачьи, станок. Большой станок выбирается иногда по несколько дней сряду... Бывает, что хороший и умеючи взятый станок дает до 50 и более возов рыбы».

И в другом месте: «Очень больших осетров я на Алтае не видал, но экземпляры в три с половиной и даже в семь пудов встречаются не особенно редко».

Это не «охотничьи рассказы», это правда, но она звучит для нас теперь как сказка. Только сказка эта грустная...

О причинах оскудения наших лесов и рек гадать не приходится. Еще Черкасов с болью и возмущением писал о хищническом истреблении лесов на Алтае, почти поголовном уничтожении дупелей

путем браконьерского отлова их сетями, о варварском обычае сбора утиных и тетеревиных яиц местным населением, ради чего выжигались целые поля, и птица с ее ненародившимся потомством гибла в несчетном количестве...

Намного ли изменилось с тех пор наше отношение к природе? Если и изменилось, то еще в более худшую сторону.

К заслугам Черкасова следует отнести и то, что он одним из первых выступил в защиту природы Сибири от бессмысленного истребления, хотя, по правде сказать, и сам порою был не безгрешен в пылу охотничьего азарта, в чем чистосердечно признается...

Страстный природолюб, он становится подлинным поэтом, когда дело доходит до описания каких-либо выдающихся явлений природы: смерча на Оби, весеннего ее разлива, северного сияния в Барнауле...

Впрочем, он и на самом деле был немножко поэтом, хотя к таковым себя не причислял, сочинял «для души» иногда...

«Записки...» содержат немало интересных сведений об истории заселения Алтая, возникновении и развитии горнозаводского производства, а также о некоторых замечательных людях, в разное время живших в нашем крае, например, о Петре Козьмиче Фролове, начальнике Колывано-Воскресенских заводов в 1817-1830 годах. С его именем связано большое строительство в Барнауле (вспомните «уголок Петербурга»), создание музея и многое другое. Этот передовой просвещенный администратор был, между прочим, грозой казнокрадов и взяточников. У тогдашних чиновников даже поговорка такая бытовала: «Не боюсь ни огня, ни меча, а боюсь Петра Козьмича».

Много места уделено в «Записках...» описанию жизни, быта, обычаев алтайцев (тогда их называли калмыками).

«Вообще калмыки, пишет Черкасов, народ честный, слово свое держат свято и воровства не знают, это их достоинство и гордость народная!»

И далее:

«Это замечательные стрелки из винтовок; это настоящие зверовщики, которые знают всю тайгу своего округа, знают бытовой характер всякого зверя, обитающего в отрогах поднебесного Алтая, знают, где и как его взять и не трусят ни перед какой опасностью».

Вместе с тем автор не скрывает своего отрицательного отношения к некоторым сторонам жизни алтайцев, порожденным вековой темнотою и невежеством: пьянству, варварскому обряду жертвоприношения при камлании и не менее варварскому обычаю увозить тяжелобольного родича в лес и бросать там его на произвол судьбы. С гневом и возмущением пишет он о том, как грабят этих темных и доверчивых детей природы.

«По своему уединенному положению и незнанию они возмутительно эксплуатируются не только именитым купечеством Кузнецка и Бий-

ска, но многими торгашами, истыми кулаками и управляемой ими ближайшей властью... Сколько именитых миллионеров Бийска пошло, так сказать, жить с этой несчастной татарвы!..»

Как созвучно это с тем, что написал 20 лет спустя другой выдающийся гуманист Вячеслав Шишков!

«Весь бы этот тракт (речь идет о Чуйском тракте - В.Г.) серебром можно вымостить да золотом, что загребли-захапали купцы у алтайцев и монголов. Весь бы тракт можно слезами залить, что сочились из глаз полудиких, с чистой душой кочевников; такой большой обидой и горем наделил их русский неистовый алчный хищник».

В «Записках...» можно найти немало интересных фактов из жизни мастеровых хорошо знакомого Черкасову Сузунского завода. Вот некоторые из них.

«В Сузунском заводе много десятков тысяч пудов сернистых руд обрабатывают в «пожогах», так, что в это время отделяется большое количество серной кислоты и нередко по всему селению пахнет тухлыми яйцами, а возгонная сера тонким желтоватым налетом садится поблизости пожогов, что в особенности заметно на дождевых лужах. От таких сернистых отделений поблизости завода не живут куры и пропадают вместе с некоторыми злаками...»

Куры жить не могли, а мастеровые жили... Впрочем, нам бы их заботы, жителям Барнаула. Руду ведь не каждый день обжигали, в остальное время сузунцы имели возможность дышать чистым воздухом, воду из речки пить. А мы?..

Любопытно почитать, как питались мастеровые.

«Живя в Сузуне, я сотни раз наблюдал за приносимым обедом работным людям в заводскую «фабрику» и пришел к тому заключению, что эти труженики кушают не жирно. Нередко весь их обед заключался в бутылке молока или кваса и куске хлеба. Реже приносятся пироги из темного теста с мелкой рыбешкой и еще реже какая-нибудь немудрая похлебка и это там, в общей «обжорной», где есть соревнование между родными или женами рабочих. Если и появляются щи, то это только один «блезир», как говорят рабочие; или еще характернее по их выражению: «Наши щи хоть кнутом хлещи - пузыря не выскочит».

Бедность... А виною всему автор считает кабака. К кабаку у него отношение нетерпимое. В нем он видит причину всех зол в жизни мастеровых, крестьян, алтайцев. Конечно, пьянство - великое зло, спору нет, и все же один ли кабака во всем виноват?

Не прошли мимо его внимания и мытарства переселенцев, хлынувших от безземелья в Сибирь.

«Трудно, - пишет он, кратко выразить то ужасное состояние, когда новоселы приезжали поздно, иногда с последними рейсами, и, не имея возможности устроиться, поневоле гнездились в маленьких душных и наскоро поставленных помещениях, тем более

потому, что пароходы и баржи «сбрасывали» их там, где уже население, вследствие прежних передвижений, было скучено... Так, по отчету Алтайского «объездного» врача за 1881 год представляется, например, такая картина: в избушке новосела в 7 аршин длиною, 6 аршин шириною и 3 аршина высотой (это около 20 квадратных метров - В.Г.) помещалось 14 взрослых и 4 детей!.. Кроме того, тут же должны были найти приют домашняя птица и мелкий скот: телята, ягнята и проч. Поэтому можете себе представить, что это было за гнездо смрада и грязи, где жили люди, прибывшие в Сибирь!..»

Так мог написать лишь человек большой и доброй души. Но не закрывает он глаза и на то, как ведут они себя, дорвавшись до «вольной сибирской землицы».

«Это словно какая-то саранча налетела на привольные пажити Алтая и, точно с голодовки, напустились на его природные богатства... Там, где поселились «рассейские», дичи почти не стало, где по колкам стояли озерки или пробежали ручейки, образовались сухие лога - «хоть топор колоти», как говорят сибиряки».

Обращает на себя внимание и такая деталь: о чем бы Черкасов ни рассказывал, он сравнивает Алтай с Забайкальем и сравнение это почти всегда не в нашу пользу. И природа у нас беднее, и народ не такой гостеприимный, и все песни на один лад. Утверждает даже, что за двадцать почти лет жизни на Алтае ему «не довелось увидеть не только красивую, но даже и просто милостивую девушку или женщину».

Ну, что касается наших девушек и женщин, то с этим, как говорят, позвольте не согласиться. А об остальном трудно теперь судить. Может, в чем-то он был и прав, а может, просто так прикипел душой и сердцем к краю, где прошла его молодость, что считал, лучше этого края и на свете нет. Но оттого, что он не скрывает своих личных симпатий и пристрастий, «Записки...» его, мне думается, хуже не стали. Скорее наоборот. Их с интересом и пользой для себя прочтут не только любители алтайской старины, но и этнографы, натуралисты, охотники...

О работе А.А. Черкасова «На Алтае» я узнал лет пятнадцать тому назад из случайно попавшейся на глаза статьи краеведа Е.Д. Петряева «Сибирский Аксаков». (Сиб. огни, № 7 1968 г.) Выписал с помощью краевой библиотеки имени В.Я. Шишкова журнал «Природа и охота», перепечатал и попытался заинтересовать ею краевое книжное издательство, руководство писательской организации. Но добился лишь того, что в 1993 г. она, в наполовину сокращенном виде, с подзаголовком «Записки Барнаульского городского головы», появилась в журнале «Алтай». (Редактором был И.М. Пантюхов.)

Вторично, однако в том же, если не в меньшем объеме, «Записки...» были опубликованы в 1-м номере «литературно-художественного, публицистического и историко-просветительного» альманаха «Бийский вестник», прекрасном, к слову сказать, детище Бийского отделения Демидовского фонда, возглавляемого большим другом алтайских краеведов Виктором Васильевичем Буланичевым.

Но вот, наконец, работа А.А. Черкасова выходит на Алтай и впервые в России - в неурезанном виде, притом к 170-летию со дня рождения писателя! О себе скажу: сбылась моя мечта! Надеюсь, эту радость разделят со мной все читатели книги. Она стоит того!..

Василий ГРИЦАЕВ
